

Т.А. Кальчук

СОПОСТАВЛЕНИЕ СЕМНЫХ СТРУКТУР СЛОВ-КОРРЕЛЯТОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение взаимодействия разносистемных языков – одно из важнейших направлений в лингвистике начала XX в. Семантический анализ крупных разделов лексики, а в основу классификации лексического состава вполне может быть положен признак «происхождение лексических единиц», актуален и для современной лингвистики, поскольку эпоха глобализации выдвинула вновь на передний план проблемы, связанные с языковыми контактами. Заимствование иностранных слов свойственно каждому языку практически с самого начала его существования, «проникновение иноязычных слов (и целых высказываний) в тот или иной национальный язык – один из неизбежных результатов исторического развития языка» [1, с. 106]. В данном контексте белорусский язык не является исключением. Лексическая система белорусского языка включает единицы разного происхождения: латинского, греческого, французского, польского и др. Достаточно репрезентативной является подсистема немецких заимствований.

Исторически белорусский и немецкий этносы имели достаточно много торгово-экономических контактов, что а priori предполагает и языковые контакты. Следует оговорить, что изучение белорусско-немецких языковых связей имеет давние традиции в белорусистике. Труды А.Н. Булыко, И.И. Чертко, О.М. Галай, А.А. Станкевич, В.А. Выхоты посвящены исследованию заимствований в старобелорусском языке, белорусских диалектах, а также изучению таких проблем, как: пути, время, способы проникновения заимствований, тематическая классификация единиц, особенности функционирования и освоения заимствований из немецкого языка в старобелорусском. Проведенные исследования объективно подводят к целесообразности изучения подсистемы немецких заимствований в лексической системе современного белорусского языка в сопоставлении с коррелирующей подсистемой современного немецкого языка, что позволит провести типологизацию семантических процессов, лежащих как в основе семантической адаптации заимствований, так и в основе дальнейшего автономного развития коррелирующих подсистем.

Заимствование как языковой механизм номинации

Заимствование лексики одного языка другим является закономерным следствием языковых контактов, имеющих в истории развития и существования любого языка. Заимствование слов подсказывается отсутствием соответствующих наименований и терминов в языке-реципиенте, необходимостью пополнения синонимического ряда, связанного с семантическими или стилистическими нюансами, а употребление заимствованного слова обусловлено необходимостью передачи

коммуникативного и когнитивного задания. И только в этом случае заимствование как номинативная единица заполняет возникшую языковую лакуну в принимающем языке [2, с. 51]. Соответственно под заимствованием понимают «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов, явлений и абстрактных понятий» [3, с. 30].

Для того чтобы пойти по пути создания имени на базе внутренних ресурсов национального языка, человеку требуется произвести сложный когнитивный анализ свойств и отношений обозначаемого, что связано с определенными когнитивными усилиями и избыточно по сути, поскольку имя уже существует и успешно функционирует в системе чужого языка и чужой культуры [2, с. 50]. Таким образом, заимствования способствуют определенной экономии языкотворческой и речепорождающей деятельности человека, так как для заполнения номинативных лакун используются уже готовые языковые единицы чужого языка. По мнению У. Вайнрайха заимствованиями как готовыми обозначениями воспользоваться всегда легче, чем описывать предметы заново [4, с. 96]. Однако это вовсе не значит, что данный способ номинации – результат нежелания номинанта прибегать к определенным интеллектуальным усилиям. Вопрос о том, чем обусловлен выбор между номинацией через заимствование, либо посредством метафоризации, метонимии, словообразования, т.е. через ресурсы национального языка, еще ждет своего исследования. Представление о том, что процесс заимствования является одним из наиболее простых, вряд ли можно признать корректным, т.к. заимствование заключается не в простом перенесении готовых единиц из одного языка в другой, а в их органическом освоении системой заимствующего языка, нуждающейся в них и готовой к их восприятию. Чужеродная единица должна пройти определенный путь ассимиляции.

Для понимания проблемы заимствования важно выяснить причины обращения к лексическим единицам другого языка. Известно, что заимствование слов детерминировано как собственно языковыми (внутрилингвистическими), так и внеязыковыми (экстралингвистическими) причинами.

К внутрилингвистическим причинам мы вслед за С.В. Гриневым относим: отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового предмета или понятия; тенденцию к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота (иными словами – тенденцию к экономии языковых средств); стремление к повышению и сохранению коммуникативной четкости лексических единиц, которое выражается в устранении полисемии или омонимии в заимствующем языке; потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых его смысловых оттенков путем прикрепления их к разным словам (обогащение синонимии); тенденцию к экспрессивности, ведущую к появлению иноязычных стилистических синонимов; отсутствие в родном языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке исконного слова, в то время как от заимствованных синонимов они возможны; накопление в заимствующем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных

элементов (таким образом заимствуются морфемы и словообразовательные элементы) [5, с. 113].

К экстралингвистическим причинам относятся: культурное влияние одного народа на другой (обычно стоящего на более высокой ступени развития), наличие устных или письменных контактов стран с разными языковыми системами, авторитетность языка-источника (что иногда приводит к заимствованию многими языками из одного и появлению интернационализмов) и связанного с этим интереса к его изучению, исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой чужой страны, условия языковой культуры социальных слоев, принимающих новое слово [5, с. 112]. В.М. Аристова включает в свой перечень экстралингвистических причин «новаторство нации в определенной сфере деятельности» [6, с. 11]. К экстралингвистическим причинам следует отнести также экономический и политический статус страны, что в настоящее время стало главной причиной интернационализации языков на базе английского. Как отмечает В.Г. Костомаров, «заимствования из американского варианта английского языка многие считают самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением, пережитым в XVIII веке» [7, с. 110].

Можно также вычленить частные причины, например, эвфемизацию в медицинской и юридической терминологиях, стремление к социально-статусному отмежеванию от остальных носителей языка, влияние моды на иностранные языки и пр.

Иноязычное слово при входе в другую, родственную либо неродственную, языковую систему представляет собой «более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствующего» [8, с. 67]. Готовый чужой материал включается в лексико-семантическую систему принимающего языка, где языковая единица проходит определенный путь адаптации, т.е. подвергается освоению под влиянием новой системы на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях, либо частичной адаптации по одному или нескольким параметрам. Степень адаптированности немецких лексических единиц на разных уровнях белорусской языковой системы различна. Наиболее очевидной для белорусского, да и русского языка, является графическая и фонетическая адаптация. Лишь слова-вкрапления, используемые в стилистических целях, могут сохранять свои исконные формальные средства выражения. Напр.: *“Граптам адзін з двух спытаў: - Вэр зінд зі?”* [9, с. 93]; *“Эршысен? – здзіўлена перапытвае светлавалосы юнак, і Саша бачыць, як ен бляднее, як дрыжаць яго губы. – Абер дорт іст дох айн зойглінг!”* [9, с. 95]. Разность графической и фонетической систем позволяет с помощью вкраплений придать тексту, написанному кириллицей, яркую стилистическую окраску, подчеркнуть его чужеземный колорит. Такие слова употребляются в основном окказионально, чаще всего в художественных произведениях и в большинстве случаев являются незнакомыми носителю языка-реципиента. В данном произведении слова-вкрапления создают исторический фон, национальный фон страны языка-

источника, экзотизм высказывания, а также служат для создания определенного стилистического портрета героя. Что касается адаптации на лексико-семантическом уровне, то она менее очевидна, не столь явно лежит на поверхности и определяется лишь с помощью специального анализа.

Вероятнее всего освоение заимствованного слова происходит в несколько этапов. Но толкование этого процесса неоднозначно в различных лингвистических концепциях. Так, В.М. Аристова, С.А. Беляева, М.Б. Петров выделяют три этапа освоения инородной лексемы: проникновение, заимствование и укоренение. Другие исследователи (Г.Ю. Князева, А.П. Майоров, Ю.Г. Коротких, М.С. Колесникова, С.В. Гринев) придерживаются точки зрения, что процесс освоения заимствованного слова состоит из двух этапов: 1) этапа вхождения заимствованного слова в систему языка, который включает изменения, происходящие в иноязычном слове в момент его проникновения в заимствующий язык, и 2) этапа функционирования заимствованного слова в принимающем языке, который охватывает преобразования, имеющие место в ходе дальнейшего развития слова в заимствующем языке.

Учитывая прагматическую сторону заимствования, логично предположить, что иноязычное слово входит в систему языка-реципиента, претерпевая одновременно некоторые изменения, необходимые и достаточные для понимания и использования его в процессе коммуникации, что делает вторую концепцию, на наш взгляд, более реальной. Однако данное мнение является гипотетическим и проблема ждет своего исследования, тем более, что процессы, происходящие в настоящее время в лексических системах всех национальных языков (приток англицизмов) открывают в этом направлении уникальные возможности.

Ведущим планом в освоении иноязычного слова признается лексико-семантический (В.П. Секирин, А.П. Майоров, Б.Н. Забавников и др.), и это верно, когда речь идет об определении степени адаптированности лексической единицы, ее «прописке» в системе языка-реципиента. Но когда речь идет о заимствовании и, прежде всего, из языка неродственного, на первый план выдвигается определенная степень фонетической, графической и грамматической ассимиляции.

На наш взгляд, заимствования с высокой степенью семантической адаптированности, это те, которые прошли в языке-реципиенте большой исторический путь, воспринимаются носителями языка как автохтонные, адаптированы к системе заимствующего языка на всех уровнях и подчиняются всем законам данного языка: графическим, фонетическим, грамматическим, словообразовательным, синтаксическим, семантическим и другим. Нередко такие лексические единицы подаются в лексикографических источниках как исконные. Так, в «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» [10] как исконные, без пометы «заимствование», представлены слова *крама* ‘магазин, лаўка’ из нем. *der Kramladen* ‘einfacher Laden, in dem man neben Lebensmitteln auch allerlei andere Waren des täglichen Bedarfs finden kann’ (где *der Kram* ‘ursp. das gespannte Schutzdach über dem Wagen oder der Bude des umherziehenden Kaufmanns’) или

xama ‘жылая сялянская пабудова, зрубленая з бярэвення’ из нем. *die Kate* ‘kleines, ärmliches Haus (aus Holz)’.

Следует, однако, отметить, что принятая носителями языка лексическая единица не всегда полностью совпадает по смысловому объему со своим эквивалентом в языке-источнике. При взаимодействии языков отбирается только то, что способствует заполнению возникшей лакуны, поэтому многозначные слова чаще всего заимствуются только на уровне отдельных ЛСВ. Ср., например, нем. *die Flöte* 1. ‘rohrförmiges Blasinstrument aus Holz oder Metall, dessen Tonlöcher mit Klappen oder den Fingern geschlossen werden’; 2. (Musik) ‘Labialpfeife’; 3. ‘hohes, schlankes [Sekt]glas; 4. (Skat) ‘fortlaufende Reihe von Karten gleicher Farbe’ и бел. *флейта* ‘духавы музычны інструмент высокага рэгістра ў выглядзе драўлянай або металічнай трубки з адтулінамі і клапанамі’.

В процессе автономного функционирования возможны разные направления семантического развития эквивалентных слов в языке-источнике и в языке-реципиенте, что приводит к дивергенции семантических структур сопоставляемых единиц. Ср., например, бел. *xama* и нем. *die Kate* (дефиниции смотри выше): устаревшее в немецком языке слово прочно вошло в основной словарный фонд языка-реципиента, изменив, улучшив, свое значение. В обеих единицах присутствует сема «материал (дерево)» и сема «жилье». В белорусской дефиниции сема «крестьянский» выражена эксплицитно, в немецкой – имплицитно. В немецком слове, однако, ярко выражена отрицательная оценочная сема «бедный / убогий (ärmlich)», отсутствующая в белорусском варианте. Здесь можно говорить о положительной семеме «добротный», имплицитно присутствующей в понятии «пабудова» и свидетельствующей о произошедшем нивелировании значения отрицательной оценочной семы.

В процессе функционирования и взаимодействия заимствований с исконной лексикой наблюдается их дальнейшая семантико-стилистическая дифференциация и эволюция, которая приводит к архаизации или обновлению значения, расширению или сужению семантического диапазона слова, его переносному словоупотреблению [11, с. 169–170] и даже полному изменению семантики, что, однако, не является закономерностью. Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о том, что коррелирующие единицы языка-реципиента и языка-источника могут быть как симметричными, так и асимметричными в семной и лексико-семантической структуризации. Данная гипотеза явилась исходной при постановке задач исследования.

Цель, объект, предмет исследования

Целью нашего исследования является изучение континуума немецких заимствований в современном белорусском языке и их немецких коррелятов, выявление общих и дивергентных тенденций в развитии семантики слов-коррелятов в немецком и белорусском языках, а также особенностей процесса семантической ассимиляции заимствований в языке-реципиенте.

Объектом исследования являются заимствования немецкого происхождения в современном белорусском литературном языке (496 единиц),

отобранные методом сплошной выборки из авторитетного лексикографического источника белорусского языка “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы” [10]. Данный словарь достаточно полно отражает лексический состав современного белорусского литературного языка и служит нормативным справочником по стилистической, грамматической и акцентуальной характеристике каждого отдельного слова. В структуру полной словарной статьи включается и этимологическая справка, в которой раскрывается происхождение слова и, в случае заимствования, дается указание на язык-источник, что позволяет признать достоверность направления заимствования. В качестве источников немецкого материала привлекался толковый словарь немецкого языка “Duden. Universalwörterbuch“ [12].

По категориальной принадлежности исследуемые немецкие заимствования представляют собой существительные (474 ЛЕ), глаголы (17 ЛЕ), прилагательные (4 ЛЕ) и приставку *обер-*, которая встречается в основном в немецких реалиях: *обер-лейтэнант*, *обер-дырэктар* и др.

Предметом исследования являются семные структуры слов-коррелятов в немецком и белорусском языках.

Однако, несмотря на авторитетность привлекаемых библиографических источников, установление путей проникновения иноязычных слов в лексический фонд языка представляет значительные трудности, связанные с определением конкретно-исторического и генетического языка-источника или прототипа и этимона. Историческим источником принято считать язык, непосредственно передающий определенный образец (прототип) в находящийся с ним в прямом контакте язык-реципиент, а генетическим источником является язык, в котором впервые возник данный образец (этимон) [6, с. 11]. Исходя из этого, в случае опосредованного заимствования источником мы считаем тот язык, в котором данное слово полностью и на всех уровнях языка ассимилировалось, и, прежде всего на семантическом уровне, о чем свидетельствует наличие в семантической структуре заимствования новых отличных от исходных значений, с которыми слово проникло в белорусский язык. Принимая во внимание тот факт, что большинство слов латинского, французского, итальянского, греческого происхождения прошли в немецкой языковой системе достаточно длительный путь ассимиляции, мы рассматриваем их как немецкие исходные единицы. Об этом же свидетельствуют пометы в «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы», которые однозначно относят такие заимствования к немецким. Например, *пастар* ‘пратэстанцкі свяшчэннік’ «Тлумачальны слоўнік» дает с пометой «немецкое заимствование», хотя немецкое слово *der Pastor* ‘ein evangelischer Pfarrer’ в свою очередь пришло в немецкий язык из латинского *pastor*, в котором имело значение ‘пастух’. В немецком языке на основе метонимического переноса возникло значение ‘священник’ – ‘Seelenhirt einer menschlichen Gemeinschaft’. Для тех языков, в которых слово *пастар* имеет значение ‘протестантский священник’, соответственно принятой концепции, языком-источником следует считать немецкий.

В ходе выявления подсистемы немецких заимствований в белорусском языке особым препятствием были сложившиеся стереотипы о роли польского

языка как языка-посредника многих немецких заимствований, что объясняется сложной исторической связью белорусского и польского этносов, недооцениванием роли ВКЛ и уровня развития белорусского языка в период его статуса как государственного, используемого во всех сферах жизнедеятельности могущественного государства того времени. Несомненно, в период существования Речи Посполитой и запрета на белорусский язык в народные говоры могли прийти немецкие лексические единицы через посредство польского языка. Некоторые словари [13] дают в таком случае весь путь немецкой единицы до ее вхождения в лексико-семантическую систему белорусского языка, где польский язык однозначно рассматривается как язык-посредник, а не язык-источник. Например: ст. бел. *крахмаль* 'крахмал' (1713) < стп. *krochmal* (1419) < свн. *kraftmel, krachtmel*.

К немецким заимствованиям в белорусском языке мы относим 1) исконно немецкие слова, существующие только в немецком языке (*анишлаг, люфт, фурман, дах* и другие), 2) древнейшие заимствования в немецком языке с высокой степенью ассимиляции, воспринимаемые на данном этапе развития языка как исконно немецкие. При этом среди них встречаются как заимствования, полностью переосмысленные (*плац, фармуляр, факультэт, клавір, лавіна*), так и композиты, один из компонентов которых - немецкое слово, второй – слово, заимствованное немецким языком из другого, т.е. слова-гибриды: *патранташ* (фр. *patron*, нем. *Tasche*), *плексіглас* (нем. *Plexiglas* от лат. *plexus* 'переплетенный' и нем. *Glas* 'стекло') и др.

В этом русле рассмотрение уже сформированной подсистемы заимствованной лексики и сопоставление ее с таковой в донорском языке представляется целесообразным. Тем более, что проблема семантической корреляции немецких заимствований в белорусском языке с соответствующими единицами немецкого языка-источника не получила должного разрешения и объективной оценки. Указанные обстоятельства определили актуальность работы, исследующей данный пласт лексики в современном белорусском языке во всем его многообразии на основе симбиоза лингвистического, исторического и культурологического анализа.

Семантический аспект заимствования

Основные закономерности механизма заимствования не могут быть до конца раскрыты без изучения его семантического аспекта, поскольку слово является двусторонней единицей языка, содержащей как план выражения, так и план содержания. Кроме того, заимствование представляет собой процесс творческий, активный, заключающийся не в простом перенесении готовых единиц из одного языка в другой, а в их органическом освоении системой заимствующего языка, их преобразении – формальном и семантическим [14, с. 174]. Основные закономерности семантической ассимиляции иноязычного слова могут быть выявлены путем сопоставления значения заимствованного слова и его иноязычного коррелята. В качестве главного условия, необходимого для обеспечения достоверности результатов такого сопоставления, выступает

сопоставление строго синхронных форм смыслового содержания немецкого заимствования в белорусском языке и его немецкого коррелята.

Значение рассматривается всеми лингвистами как сложная сущность. В слове различают лексическое значение, свойственное конкретной лексической единице и грамматическое значение, характерное для грамматических классов слов. В нашем исследовании нас интересует значение индивидуальной лексической единицы, т.е. лексическое значение. Под лексическим значением слова понимают «его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря данного языка» [15, с. 169].

Лексическое значение слова представляет собой продукт мыслительной деятельности человека. Оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова понимается как результат отражения действительности, закреплённый в слове.

Положение о том, что значение языкового знака представляет собой определенную структуру и принципиально членимо на более элементарные составные части, признается сегодня практически всеми лингвистами. Эксплицируется лексическое значение набором дифференциальных признаков, в которых отображаются свойства обозначаемой реалии и характер ее обобщения мышлением.

В современной лингвистической литературе понятие семантической структуры слова трактуется неоднозначно. Здесь можно выделить два основных направления:

1) семантическая структура слова рассматривается как иерархически организованная система его лексико-семантических вариантов (ЛСВ), где ЛСВ – это «двусторонний языковой знак, который является единством звучания и значения, сохраняющий неизменное лексическое значение в пределах присущей ему парадигмы и системы синтаксических связей» [16, с. 7; 17, с. 32]. При данном подходе к семантической структуре слова в качестве основной рассматриваемой единицы выступает ЛСВ;

2) под семантической структурой слова многие ученые понимают отдельное значение слова – «совокупность элементарных смыслов, «сем», составляющих это значение» [18, с. 95], причем семы располагаются в пределах значения не произвольно, а образуют определенную иерархию. При данном подходе единицей семантической структуры слова выступает сема.

Учитывая разницу в подходе к определению семантической структуры языковой единицы, в лингвистической литературе проводится терминологическое разграничение этих понятий: под семантической структурой слова понимается «упорядоченное множество его ЛСВ», а под семной структурой слова – «содержательная сторона слова на уровне минимальных компонентов значения» [19, с. 173]. А это значит, что семантической структурой обладают только полисемантические слова, а семной структурой – моносемантические слова или отдельные ЛСВ полисемантического слова.

Такое терминологическое разграничение соответствует объективному строению лексем и способствует корректному проведению сопоставительного семантического анализа исследуемой нами лексики, ибо подсистема немецких заимствований в белорусском языке имеет следующую картину: из 496 немецких заимствований 323 единицы (65%) однозначны и лишь 173 (35%) имеют полисемантическую структуру.

Содержательный анализ лексического значения немецких заимствований в современном белорусском языке и их коррелятов в современном немецком языке с данных позиций является одной из задач данного исследования.

Семный анализ лексических единиц

Семная структура лексических единиц не является чем-то монолитным, однородным, а представляет собой сложную совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных «элементов значений» – сем.

В настоящее время тот факт, что значение всех единиц языка состоит из составных частей, является аксиомой и не подлежит сомнению. Семы выделяются с помощью метода компонентного анализа лексических единиц, изначально основанного на признании факта разложимости лексического значения на компоненты.

Для определения информации, зафиксированной в семантике заимствований, нами использовался метод компонентного анализа. Так как предметом анализа явились системные значения слов-коррелятов, то компонентный анализ использовался в его парадигматическом варианте, который направлен на исследование содержательной стороны слова «как семантический автономной единицы языка, значение которой заключено в ней самой, а не обусловлено ее связями с другими словами» [20, с. 35], путем разложения значений слов на семантические компоненты, под которыми мы понимаем отрезки словарных дефиниций, фиксирующие информацию одного определенного вида. Системное значение языковых единиц, зафиксированное в словаре, представляет собой конструкт лексикографов, которые призваны объективировать в эксплицитном виде в дефиниции соответствующей лексической единицы некоторые кванты информации об отраженном в сознании людей классе объектов, свойств, отношений [2, с. 152]. Именно одноязычные толковые словари в наибольшей степени отражают совокупность различных знаний, хранящихся в памяти человека и становятся объективными и доступными источником информации о семантике языковых единиц [21, с. 134], чем и объясняется активное обращение к методу компонентного анализа слов с целью выявления их семантики. См, например, работы И.В. Арнольд [1966]; Э.М. Медниковой [1974]; О.Н. Селиверстовой [1975]; А.М. Кузнецова [1986]; Г.И. Куликова, Ю.Л. Шкляра [1990]; М.В. Никитина [1996] и других. Компонентный анализ по словарным дефинициям основывается по существу на установившейся в логике операции определения понятий. Обычные этапы такого определения – указание ближайшего рода или класса, к которому относится

предмет, и указание видовых отличий, т.е. признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса.

Однако несмотря на признание результативности данного метода не существует еще единства взглядов на некоторые вопросы. Семная семасиология еще не может считаться полностью оформившимся направлением, в отличие от семейной, где разработана терминология (слово, лексико-семантический вариант, лексема, семема, семантема, полисемия, синонимия, омонимия, антонимия, семантическая деривация, метафора, метонимия, перенос по функции,okkaзиональное значение, прямое, переносное, производное значения, лексико-семантическая группа, синонимический ряд, тематический ряд и т. д.), поставлены основные проблемы (развитие значений, разграничение значений, эквивалентность значений, системные связи значений, лексические группировки и процессы в них и т. д.). Семная семасиология еще находится в процессе становления, разработки своего понятийно-терминологического аппарата, формулирования своих задач, каталогизации своих объектов - семантических компонентов различных типов. Именно на семном уровне высок, на наш взгляд, процент субъективизма.

М.И. Олейник указывает на два принципиальных различия при применении компонентного анализа: во-первых, на статус выделяемых элементов и терминологии, применяемой к ним, и, во-вторых, на методику выделения содержательных элементов значений слов [22, с. 30].

В научной литературе выделяемые элементы значения называют по-разному: семантическими признаками (Уфимцева, Бирвиш), семантическими компонентами (Апресян), семантическими множителями (Караулов), элементами значения (Шмидт), семами (Гак, Вотьяк, Найда), семантическими маркерами (Кац, Фодор) и др. Например, Ю.Н. Караулов понимает под семантическим множителем не только элементарные единицы содержательного плана, которые, соединяясь друг с другом в различных комбинациях и числе, задают значение любого слова в языке, но и полнозначные слова, использованные дефиниции толкового словаря [23, с. 6]. О.Н. Селиверстова, придерживаясь в основном того же подхода. М.В. Никитин семантическим признаком называет признак, «отраженный в значении языковой единицы» [24, с. 108]. По мнению В.Г. Гака каждая сема представляет собой «отражение в сознании носителей данного языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными к каждому говорящему» [18, с. 95], т.е. сема – это элементарный, далее неделимый компонент значения.

В данном исследовании для обозначения части лексического значения используется термин «сема», который, с одной стороны, является «сегментом значения, с другой стороны, содержательно обращен к человеку и окружающему его миру» [25, с. 36].

Поскольку семы являются составляющими лексического значения, отражающими те признаки номинируемых объектов, которые данным языком распознаются, логично предположить, что семы должны иметь языковое выражение в словарных дефинициях [26, с. 29]. Для такого вербального

обозначения сем в семасиологических исследованиях существует несколько синонимических терминов (семантический признак, элементарный блок, лексический маркер и т.д.). При анализе мы исходили из того положения, что каждому семантическому признаку должны соответствовать определенные ключевые слова в словарной дефиниции.

Семы представляют собой конечный инвентарь, с помощью которого может возникать бесконечное множество новых значений. Выявление сем позволяет также отграничивать значения одно от другого и устанавливать семантические отношения между элементами словарного состава языка. В данном случае семы выполняют классифицирующую роль и являются, таким образом, когнитивно значимыми [27, с. 181].

Что касается типологии сем, то данная проблема еще не исследована должным образом. На данный момент в лингвистике существует множество классификаций, которые являются часто неполными и во многих случаях накладываются друг на друга. Все это свидетельствует об отсутствии единых критериев выделения сем. В целом разграничивают следующие разряды сем, которые обычно представляют собой оппозиционные пары или ряды из нескольких членов: когнитивные (денотативные, референциальные, предметно-логические, интеллективные) и прагматические (коннотативные, эмотивно-оценочные, экспрессивно-стилистические), экстралингвистически обусловленные и лингвистически обусловленные, центральные и периферийные, актуальные (актуализированные) и потенциальные, явные и скрытые (латентные), обязательные и факультативные (дополнительные), узуальные и окказиональные, индуцирующие и индуцируемые, терминологические и нетерминологические, категориальные (грамматические) семы – гиперсемы (классемы, маркеры, архисемы) – гипосемы (дифференциальные / различительные / дистинктивные семы, или дистинктившеры) [24, с. 139].

Все семы, независимо от классификации, относятся к плану содержания и представляют собой результат отражения в сознании говорящего свойств обозначаемых объектов. Но следует иметь в виду, что семная структура лексического значения как объекта, скрытого от непосредственного наблюдения, имеет нежесткие границы и количественный состав сем лексического значения можно считать закрытым лишь условно, в целях лингвистического анализа [28, с. 162].

Итак, семная структура значения представляет собой «сложное целое, состоящее из некоторого количества сем, которые образуют иерархически организованную конфигурацию» [29, с. 22]. В его составе выделяется архисема, выражающая родовое понятие, дифференциальные семы, выражающие видовые понятия, и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта [30, с. 11]. Например, в семной структуре нем. *der Autobus* и бел. *аўтобус* можно выделять архисему «транспортное средство» и дифференциальные семы «размер», «назначение», «оснащение», «способ передвижения», «способ получения энергии», а потенциальной семой, как отмечает Потье, может стать сема «тряскость езды» [26, с. 15].

В процессе функционирования заимствования в новой лексической системе часто наблюдается актуализация лишь части семного состава значения, т.е. наблюдается своеобразное движение сем – выдвигание и реализация одних, нейтрализация других, что приводит часто к сдвигу семантических акцентов, а это свидетельствует в свою очередь о наличии механизма внутрилексемных деривационных связей [31, с. 89–90]. Ведь любой из возможных признаков, содержащихся в семантике слова, может «каузировать» именование нового предмета или класса предметов.

Сопоставление семных структур немецкого заимствования в белорусском языке с его немецким эквивалентом свидетельствует не только о совпадениях, но и о различиях в семном составе. Поэтому здесь можно говорить либо о конвергентности семного набора заимствования и его иноязычного эквивалента, либо о дивергентности. Ср. конвергентные лексемы:

нем. <i>der Taler</i> 'eine alte deutsche Münze'	бел. <i>талер'</i> 'старажытная нямецкая манета'
---	---

Ср. дивергентные лексемы:

нем. <i>der Zugzwang</i> 'die Notwendigkeit, in einer bestimmten Situation zu handeln oder sich zu entscheiden'	бел. <i>цугцванг</i> 'у шахматнай гульні – вымушаны, нявыгадны ход'
--	--

При синхронном сопоставлении семных структур однозначных немецких заимствований в современном белорусском языке с их немецкими коррелятами выявлены следующие соотношения:

1) семный набор заимствования совпадает с семным набором его немецкого эквивалента, т.е. их семные структуры являются конвергентными (тождественными) (110 ЛЕ, 34,1%). Под конвергентностью в работе понимается совпадение с семным составом соответствующего немецкого эквивалента всех семантически важных признаков заимствованной лексемы, отличающих данное слово от других слов в синонимическом ряду или тематической группе.

Ср.:

нем. <i>der Kleister</i> 'Klebstoff aus Stärke (oder Mehl) und Wasser'	бел. <i>клейстар</i> 'клей, прыгатаваны з мукі або крухмалу'
---	---

2) семный набор заимствования может частично совпадать с семным набором его немецкого эквивалента – здесь речь идет о частичной дивергентности (170 ЛЕ, 52,6%). Под частичной дивергентностью мы подразумеваем частичное расхождение в семантических признаках семного набора заимствованной лексемы с ее иноязычным эквивалентом. Ср.:

нем. <i>das Halstuch</i> '[längliches, quadratisches oder dreieckiges] Tuch, das um den Hals gelegt wird (als Schutz gegen Kälte od. als schmückendes Beiwerk)'	бел. <i>галыштук</i> 'прадмет убору ў форме палоскі тканіны, якая завязваецца пад каўняром сарочкі, блузы вузлом або бантам'
--	---

3) семный набор заимствования полностью отличается от семного набора его немецкой исходной единицы (43 ЛЕ, 13,3%). Их семные структуры являются полностью дивергентными. Под полной дивергентностью мы подразумеваем в нашей работе полное расхождение семного набора заимствованной лексемы с семным набором ее иноязычного эквивалента. Ср.:

нем. <i>das Vordeck</i>	бел. <i>фoрдэк</i>
(Seew.) ‘vorderer Teil des Decks’	‘складны пад’емны верх у экіпажы’

Таким образом, для анализа системных значений однозначных немецких заимствований в современном белорусском языке в сопоставлении с немецкими коррелятами и для дальнейшего сопоставления наиболее подходящим видится метод компонентного анализа. Поскольку семы представляют собой «кванты» знания об объектах и явлениях окружающего мира, то это дает возможность восстановления в целом знания о соответствующих отрезках действительности, стоящими за словами-коррелятами в немецком и белорусском языках. Как отмечает Е.С. Кубрякова, компонентный анализ является первым этапом семантического анализа, за которым далее следуют когнитивный анализ, направленный на определение непосредственных структур знания, стоящих за языковыми формами, и концептуальный анализ как самая высокая ступень анализа, целью которого является обобщение результатов компонентного и когнитивного анализов [32, с. 13–16]. Такой подход может оказаться перспективным при дальнейшем изучении поднятой в работе проблемы и результативным в плане выявления роли сложившейся национальной картины мира в процессе ассимиляции заимствованных единиц и их семантического развития в пределах системы языка-реципиента.

В рамках данного диссертационного исследования внимание сосредоточено на тех квантах знания, которые реализуются в слове его семным набором. Следующим шагом является рассмотрение конвергентных семных структур коррелирующих пар белорусского и немецкого языков.

Конвергентные семные структуры коррелирующих пар немецкого и белорусского языков

Основную группу немецких заимствований в белорусском языке (321 ЛЕ, что соответствует 64,7% от всего корпуса заимствованных слов немецкого происхождения) составляют единицы, являющиеся в языке-реципиенте и языке-источнике однозначными. Из них более 30% слов-коррелятов имеют в немецком и белорусском языках тождественные семные структуры.

Это связано, во-первых, с потребностью в наименовании новой вещи, нового явления и т. п., а во-вторых, с необходимостью специализации понятий в той или иной сфере, для тех или иных целей. Заимствование уже существующей номинации вместе с заимствуемым понятием либо предметом считается более простым и эффективным способом пополнения словарного состава языка. Так как передовые технологии были сконцентрированы на Западе, следовательно, белорусский вокабуляр пополнялся и за счет слов немецкого происхождения. Например:

нем. *die Brandmauer*
'feuerbeständige Mauer zwischen
aneinander stoßenden Gebäuden'

бел. *брандмаўэр*
'капітальная глухая вогнетрывалая
сцяна, якая ў супрацьпажарных мэтах
падзяляе сумежныя пабудовы або
часткі аднаго будынка'

нем. *das Flöz*
(Bergbau) 'Schicht nutzbarer Gesteine
von großflächiger Ausdehnung'

бел. *флец*
(спец.) 'гарызантальны пласт
карыснай гонай пароды'

Большую часть однозначных немецких заимствований в белорусском языке составляют лексемы, появившиеся в белорусском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой вещи или понятия, что способствовало сохранению их тождественного семантического объема в языке-реципиенте.

Конвергентность семных структур сопоставляемых лексем имеет место в подавляющем большинстве случаев там, где лексемы являются однозначными и представляют собой терминологическую или безэквивалентную лексику, в состав которой входят лексемы, обозначающие реалии немецкой действительности.

Термином является слово или словосочетание, обозначающее предметы, явления, понятия определенной отрасли науки. Такие особенности термина, как: системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности в пределах терминологии данной науки, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность [33, с. 508], играют особенно важную роль при заимствовании его из другого языка и выступают одной из предпосылок сохранения семной структуры значения данного иноязычного слова в языке-реципиенте. Особенностью терминологической лексики является семантическая устойчивость. Благодаря однозначности в языке-источнике, они не осложнены дополнительными коннотациями.

Здесь представлены как узкоспециальные, научные термины, так и термины более широкого характера, получившие распространение в обиходе и тем самым утратившие свое узкое терминологическое значение, ибо данный процесс влечет за собой семантическую деривацию, проявляющуюся в том, что терминологические лексемы становятся многозначными, сохраняя за одним из ЛСВ узкоспециальную семантику.

Исторически заимствовались в первую очередь термины, которые заполняли существовавшие лакуны в автохтонной терминологической системе. Изначально почти все заимствованные термины были однозначными. Но и на современном этапе терминологические заимствования имеют в основном симметричные значения с их немецкими пралексемами и воспроизводят не только его семантические признаки, но и весь семный набор. Ср.:

нем. *der Hufnagel*
(Schmiede) 'Nagel, der bei der
Befestigung des Hufeisens verwendet
wird'

бел. *вухналь*
'плоскі цвік, якім прыбіваюць падковы'

Анализ словарных толкований терминов в немецком и белорусском языках выявил ряд закономерностей в лексикографическом отражении семантических признаков и позволил определить, какие компоненты знания о соответствующих объектах сохранились в обоих языках.

Семантические признаки терминологических слов фиксируют:

- форму: '... на кавалкі *правільнай, геаметрычнай формы*' / '...blättrig spaltet'; '*наўкруглы, трохвугольны або мнагагранны ... выступ ...*' / 'geschlossener...Vorbau ...'; '... з вострым кантам...' / '...mit scharfer Schneide...';

- материал: '*сталевая пласціна...*' / '... Stück Stahl...'; '... пласт карыснай горнай пароды' / 'Schicht nutzbarer Gesteine...'; '... зашклены выступ ...' / '... mit Fenstern versehener ...';

- предназначение: '... для вырабу аб'ёмных рэчаў, дэталеў ...' / '... in die das zu formende Material hineingepresst wird'; '... якая прымяняецца для цыклавання' / '... mit dem Späne abgehobelt werden und das Holz geglättet wird'; '... для замацавання дэталеў';

- способ производства: '... шляхам прасавання' / 'in die das ...Material hineingepresst wird'; '*шчыльна спрасаваны...*' / '(beim Pressen...);

- место применения: '*увядзенне ў рану ці поласць...*' / 'das Ausstopfen (einer Wunde)...'; '... у каня ці рабочага вала' / '(bes. bei Pferden) ...';

- функциональные обязанности: '... якая выдае другой асобе перавадны вексель' / 'Aussteller einer Tratte'; '... якой даецца загад заплаціць на перавадному вексалью' / 'zur Bezahlung eines Wechsels Verpflichteter';

- внешний вид: '... у выглядзе скабы са шрубай ...' / '... deren Backen verstellbar sind'; '... глянцавы кардон' / '... mit glattes, glänzender Oberfläche';

- положение в пространстве: '*гарызантальны пласт...*' / '... von großflächiger Ausdehnung'; '... у сцяне будынка' / '... Vorbau an Gebäuden';

- опыт использования: '... які пры удары расколваецца на кавалкі...' / '... beim Brechen spaltet';

- размер: '*сярэдні друкарскі шрыфт, роўны 14 пунктам*' / '...von 14 Punkt'.

Определение количества семантических признаков в рамках значения каждой коррелирующей единицы дает возможность выявить структуру отдельного значения и восстановить структуру знания, отражающую результаты обработки и способ организации релевантной для человека информации о соответствующих объектах. Ведь, согласно М.М. Маковскому, «только определенная комбинация связей, свойств и отношений приводит к образованию именно данной языковой сущности (реалии), обуславливает меру ее жизнеспособности и диапазон функциональной нагрузки. Индивидуальность языкового объекта определяется, прежде всего, характером его свойств и функций, их группировками, т.е. конфигурацией структуры и системы объекта и характером его элементов» [34, с. 8].

В количественном отношении семантические признаки терминов могут фиксировать одно свойство объекта и являться монопризнаковыми. В данном случае фиксируется

- размер: <i>die Mittel</i> ² ‘Schriftgrad von 14 Punkt’	мітэль (спец.) ‘сярэдні друкарскі шрыфт, роўны 14 пунктам’
- место применения: <i>die Tamponade</i> ‘das Ausstopfen (einer Wunde) mit Tampons’	тампанада (спец.) ‘увядзенне ў рану ці поласць’
- функциональные обязанности: <i>der Trassant</i> ‘Aussteller einer Tratte’	трасант ‘у фінансавай справе – асоба, якая выдае другой асобе перавадны вэксаль’
<i>der Trassat</i> ‘zur Bezahlung eines Wechsels Verpflichteter’	трасат ‘у фінансавай справе – асоба, якой даецца загад заплаціць на перавадному вэксалю’

Словарные дефиниции терминов могут фиксировать два или более свойств объекта, т.е. являются полипризнаковыми. Проведенный анализ позволил выявить следующие структуры отдельного значения полипризнаковых терминов-коррелятов:

- предназначение и способ производства: <i>die Pressform</i> (Technik) ‘hohle Form, in die das formende Material (z.B. Glas, Kunststoff) (1) hineingepresst wird (2)’	прэс-форма (спец.) ‘прыстасаванне для вырабу аб’емных рэчаў, дэталей (1) шляхам прасавання (2)’
- способ производства и внешний вид: <i>der Pressspan</i> ‘holzfreie, feste (1) Pappe mit glattes, glänzender Oberfläche (2)’	прэспіпан (спец.) ‘шчыльна спрасаваны (1), глянцаваны (2) кардон’
- опыт использования и форма: <i>der Spat</i> ¹ ‘(Mineralogie) Mineral, das beim Brechen (1) blättrig(2) spaltet (2)’	шпат ¹ (спец.) ‘назва мінералу, які пры ўдары расколаецца на кавалкі (1) правільнай, геаметрычнай формы (2)’
- форма, материал и расположение: <i>der Erker</i> ‘geschlossener (1), mit Fenstern versehener (2) Vorbau an Gebäuden (3)’	эркер (спец.) ‘паўкруглы, трохвугольны або мнагагранны (1) зашклены (2) выступ у сцяне будынка (3)’
- материал, форма и предназначение: <i>die Ziehklinge</i> (Holzverarb.) ‘einem Messer ähnliches (1) Stück Stahl (1) mit scharfer Schneide (1), mit dem Späne abgehobelt werden und das Holz geglättet wird (3)’	цыкля (спец.) ‘сталевая (1) пласціна з вострым, спецыяльна заточаным кантам (2), якая прымяняецца для цыклавання (3)’
- положение в пространстве, опыт использования материала: <i>das Flöz</i> (Bergbau) ‘Schicht nutzbarer (2) Gesteine (3) von großflächiger Ausdehnung (1)’	флец (спец.) ‘гарызантальны (1) пласт карыснай (2) горнай (3) пароды’

- время действия, материал и место использования:

<p><i>der Spat</i>² (Tiermed.) ‘ (bes. bei Pferden (3)) Entzündung der Knochenhaut (2) am Sprunggelenk (3)’</p>		<p><i>шпат</i>² (спец.) ‘храничае (1) запаленне скакальнага сустава (2) ў каня ці рабочага вала (3)’</p>
--	--	---

Для языковой репрезентации свойств объектов сопоставляемых узкоспециальных слов-коррелятов в аспекте моно/полипризнаковость типичной является полипризнаковость. Как правило, в дефиниции представлены две или три дифференциальные семы, отражающие соответствующие свойства объектов.

Установление количества семантических признаков в дефинициях слов-коррелятов в немецком и белорусском языках и моделирование их возможных комбинаций позволит наиболее эффективно формализовано представить семантику исследуемых единиц и, соответственно, результаты отбора и организации знаний о соответствующих объектах.

Моделирование семных структур предполагает описание значений ЛЕ определенного класса при помощи набора составляющих их содержание элементов. Так, А. Вержбицка подчеркивает возможность выделения для значений слов одного класса общих схем (моделей), основанных на сочетании тех или иных компонентов [35, с. 52]. Немаловажную роль играет и тот факт, что составляющие части выделенной А. Вержбицкой для слов конкретной лексики модели значений являются, по сути, теми же компонентами, которые выделяются и в дефинициях значений слов в толковых словарях, т.е. семантическими компонентами, представляющими собой единицы, выделенные в результате компонентного анализа [22 с. 79–80].

Графически конвергентность семных структур проанализированных терминов можно представить следующим образом:

<p>нем. <i>der Glühwein</i> ‘ein heißes Getränk aus Rotwein, Zucker und Gewürzen’</p>		<p>бел. <i>глінтвейн</i> ‘гарачы напітак з чырвонага віна, пракіпячонага з цукам і вострымі прыправамі’</p>
---	--	---

нем. <i>der Glühwein</i>		бел. <i>глінтвейн</i>
Getränk	А +	+ А' напітак
heiß	Д1 +	+ Д1' гарачы
Rotwein	Д2 +	+ Д2' чырвонае віно
Zucker	Д3 +	+ Д3' цукар
Gewürze	Д4 +	+ Д4' прыправы
		- Д5' востры

При графическом обозначении семных структур приняты следующие сокращения: А – архисема немецкого слова, А' – архисема заимствования, Д1, Д2, Д3 и т.д. – дифференциальные семы немецкого слова, Д1', Д2', Д3' и т.д. – дифференциальные семы заимствования, + - сохранение семы в заимствовании, - - не сохранение семы в заимствовании.

Графическое отражение последних примеров показывает, что толковые словари немецкого и белорусского языков иногда неполно отражают весь спектр семантических признаков, присущих словам-коррелятам. Так, белорусский словарь в заимствовании *вухналь* уточняет, каким гвоздем прибивается подкова – плоским. А вот его немецкий коррелят *der Hufnagel* в своей дефиниции содержит только указание на средство крепления без его более точного описания – гвоздь. Возможно, также и немецкое слово *der Spat*² подразумевает наличие хронического воспаления надкостницы голеностопного сустава не только у лошадей, но и у других животных, об этом свидетельствуют слова немецкой дефиниции *besonders bei*. В то же время белорусский словарь дает более обобщенное описание места протекания болезни – голеностопный сустав. Данная выделенная сема белорусского слова объединяет два семантических признака немецкой дефиниции *надкостница голеностопного сустава*.

Проведенный анализ позволил выделить следующие производственные сферы деятельности людей, которые наиболее активно принимали терминологические заимствования: военное дело (*бліцкрыг, фарпост*), геология и минералогия (*гнейс, мергель, флец, шпат*¹), полиграфия и типография (*калонлічба, мітэль, прэсшпан, тэнакель*), техника (*прэс-форма, умформер, шрубцына*), медицина (*тампанада, шпат*²), экономика (*трасант, трасат*), строительство (*эркер*). Данные слова-корреляты в основном содержат в белорусском языке помету «спец.», а в немецком языке пометы (*Militär, Technik, Geologie* и т.д.), свидетельствующие о принадлежности к определенной тематической сфере.

Особую подгруппу однозначных немецких заимствований в белорусском языке составляют слова, называющие особенности жизни и быта немецкого народа. В различных научных исследованиях они терминируются как «безэквивалентная лексика» (Н.Г. Михайловская, О.Н. Усачева), «культурно-маркированная лексика» (И.Г. Аверьянова), «фоновая лексика». При анализе семантики данных слов речь стала идти о национальной специфике (И.А. Стернин), фоновом значении и культурном компоненте значения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «следовом компоненте» (П.П. Червинский) заимствованных слов. В нашем исследовании мы используем термин безэквивалентная лексика, под которой мы понимаем заимствованные слова, проникшие в язык-реципиент в результате знакомства определенного языкового коллектива с особенностями – географическими, климатическими, политическими, экономическими, бытовыми и т.д. – жизни другого народа, и, не имеющие, в силу отсутствия реалий, коррелятов в заимствующем языке [36, с. 184]. Например: *бундэстаг, шнапс, канцлер, курфюрст* и т.д.

Говоря о безэквивалентной лексике, мы имеем в виду немецкие реалии, которые выступают в белорусском языке как экзотизмы. Под экзотизмами понимаются слова «с четкой принадлежностью к определенной стране или национальности, используемые при описании национальных особенностей жизни и быта, для создания местного колорита» [37, с. 41]. Например:

нем. *die Bundeswehr*
'alle militärischen Einheiten, zu denen
Heer, Luftwaffe, Marine und Verwaltung
gehören'

нем. *der Bundestag*
'die aus Wahlen hervorgegangene
Volksvertretung, das Parlament der
Bundesrepublik Deutschland'

бел. *бундэсвер*
'узброеныя сілы ФРГ'

бел. *бундэстаг*
'ніжняя палата парламента ў ФРГ'

Немецкая безэквивалентная лексика обозначает в белорусском языке 1) государственные организации Германии, 2) должности и профессии лиц, работающих в заведениях и институтах Германии, 3) немецкие национальные блюда и напитки. Данные слова имеют в белорусском языке вполне определенную смысловую и стилистическую окраску и выполняют в речи определенную функцию: позволяют создать национальную или локальную окраску описания. Они связаны с бытом, культурой немецкого народа и не имеют соответствующих понятий в белорусском языке.

Небольшая группа слов обозначает предметы или явления немецкой действительности, вышедшие в настоящее время из употребления, характеризующие исторические события, так называемые историзмы и архаизмы. В составе лексико-семантической системы белорусского языка эти заимствования являются хронологически маркированными. Они употребляются в основном в стиле художественной литературы для создания национального колорита соответствующей эпохи или для характеристики действующих лиц, живших в то время. Ср.:

нем. *der Kurfürst*
'einer der Fürsten, die früher den
deutschen Kaiser wählten'

нем. *die Reichswehr*
'aus Heer und Marine bestehende
Streitkräfte des Deutschen Reiches von
1921 bis 1935'

бел. *курфюрст*
'уладарны князь у феадальнай
Германіі, які меў права ўдзельнічаць у
выбарах імператара'

бел. *рэйхсвер*
(гіст.) 'назва ўзброеных сіл Германіі ў
1919-1935 гадах'

Комментарии, рассчитанные на носителей родного языка, как правило, недостаточно информативны для иностранцев, заимствовавших данное слово. Если для первых комментарий дополняет и углубляет фоновые знания в сторону их энциклопедичности, то для вторых необходимо, в первую очередь, передать фоновые знания, существующие у носителя языка и культуры, но отсутствующие у иностранцев. Под фоновыми знаниями понимают в лингвистике весь комплекс ассоциаций народа-носителя об окружающей действительности, связанных с обозначаемым словом предметом. Данные фоновые знания включают систему мировоззренческих взглядов, господствующих в данном обществе, этнических оценок, эстетических вкусов, норм речевого и неречевого поведения и – самое главное – большую часть знаний, которыми обладают все члены общества. Фоновые знания представляют собой как бы закон «экономии языка», ибо в процессе общения носитель языка

воспринимает из текста гораздо больше информации, чем ее явно выражено в тексте. Фоновые знания призваны облегчить процесс общения, они являются условием взаимопонимания контактирующей людей или адекватного понимания текста, что не всегда возможно для носителей другой культуры без знания данной фоновой информации, и которую поэтому необходимо каким-то образом отражать в дефинициях слов безэквивалентной лексики.

При описании безэквивалентной лексики в толкование слова вводятся обязательно дополнительные дифференциальные признаки, которые позволяют увидеть специфику называемой словом чужой реалии. Особое значение приобретает наличие в дефинициях безэквивалентной лексики энциклопедической информации, сообщающей о местах распространения, формах существования, способах применения и прочих параметрах обозначаемых объектов и явлений.

Анализ семных структур слов безэквивалентной лексики показывает, что лексическое значение данных лексем содержит национально-культурную фоновую информацию, под которой понимают «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой ее представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [38, с. 87]. Специфический лексический фон безэквивалентной лексики неизвестен заимствующему народу, что требует введение в дефиницию слова-реалии дополнительных лексических маркеров, призванных как-то компенсировать данное незнание. Национально-культурная фоновая информация воплощается в национально-культурных семах, которые составляют национально-культурный компонент (НКК) лексического значения [39, с. 10]. НКК содержится в основном имплицитно в лексическом значении реалии. Он слит с предметно-понятийным значением слова и лишь в совокупности с ним выражает информацию, которая воспринимается как связанная с определенной национальной общностью. НКК не является цельным, далее неделимым компонентом, а представляет собой макрокомпонент, состоящий из следующих сем: «локальность», «национальная принадлежность», «временная принадлежность» («принадлежность к определенной исторической эпохе»).

Сема «локальность» определяет участок действительности, в пределах которого распространена данная реалия, и выражается в словарных дефинициях немецких заимствований в белорусском языке в основном лексемами *Германія*, *Заходняя Еўропа*. Нередко словарная дефиниция содержит более конкретные указания на определенную область местонахождения данного предмета или явления. Например: *кельнер* ‘слуга рэстарана, піўной, гасцініцы ў заходнееўрапейскіх краінах – Германіі, Швейцарыі і інш.’

Сема «национальная принадлежность» показывает соотношенность реалии с жизнью немецкого народа и эксплицитно выражается в дефиниции словами *нямецкі*, *заходнееўрапейскі*. Например: *эльф* ‘у заходнееўрапейскай міфалогіі – казачная істота, дух прыроды, дабразычлівы да людзей’.

И, наконец, сема «временная принадлежность» отражает время существования конкретной реалии и в большинстве случаев является

показателем ее принадлежности к историзмам и архаизмам. Данная сема выражается в дефиниции заимствования лексемами *франкскі, сярэдневяковы, старажытны*, а также датами, указывающими на время существования реалии. Например: *марка*² 1) 'пагранічная вобласць з ваенным упраўленнем у раннефеадальнай Франксай дзяржаве і ў сярэдневяковай Еўропе'; 2) 'сялянская абшчына ў сярэдневяковай Заходняй Еўропе'.

Таким образом, по сравнению с другими словами языка, отличительной чертой реалии является ее предметное содержание, тесная связь обозначаемого предмета или явления с жизнью соответствующего народа и с соответствующим историческим отрезком времени. Иначе говоря, реалии присущ соответствующий национальный и/или исторический колорит. Колорит – это та «окрашенность, которую приобретает слово благодаря принадлежности его референта – обозначаемого им объекта – к данному народу, благодаря тому, что он характерен для культуры, быта, традиции – одним словом, в данной стране, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох» [40, с. 31].

Для языкового обозначения этих реалий другие языки часто принимают названия из соответствующих языков-источников. В принимающих языках безэквивалентные слова воспринимаются как чужие и входят в область экзотической лексики принимающих языков.

Итак, реалиям свойственна локальная закреплённость и уникальность обозначаемого понятия, что делает их в лексико-семантической системе принимающего языка специфическими единицами и способствует сохранению однозначности, т.к. они отражают «одно – однозначное соответствие между уникальными референтами и номинирующими их языковыми знаками» [39, с. 17].

Таким образом, причиной того, что слова-корреляты анализируемой группы имеют тождественный семантический объем, является их отчетливая принадлежность к определенным функциональным сферам и сравнительная семантическая устойчивость. А выявить и описать национальную специфику семантики на уровне сем позволяет процедура дифференциальной семантизации коррелирующих пар, что обеспечивает конкретность и верифицируемость результатов семантического описания национальной специфики слова.

Дивергентные семные структуры коррелирующих пар немецкого и белорусского языков

Несовпадение объёма семантики слов в разных языках, особое семантическое строение единиц разных языков отмечается многими лингвистами – Л. Ельмслевым, А.А. Брагиной, В.Г. Гаком, и др.

Исследования позволили ученым сделать вывод о том, что «семантический объем слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия, чаще всего не совпадает» [41, с. 37–38], что позволяет говорить о национально-культурной специфике семантики слова.

Одна из главных причин существования неэквивалентности заключается в том, что «логическая структура мышления, единого для всех народов, материализуется в конкретных системах национальных языков» [42, с. 48]. Язык, обслуживающий различные национальные коллективы, постоянно накапливает элементы, отражающие особенности развития данных культур, что находит свое выражение также и в семантических структурах слов-коррелятов. Носители разных языков смотрят на мир со своей точки зрения, с позиций своего приобретенного опыта и, естественно, видят что-то свое, незамеченное или недоступное для другого народа. В этом и заключается своеобразие членения объективной действительности каждым конкретным народом. В одном и том же содержании носители разных языков выделяют специфические черты и передают их специфическими средствами. Специфика этих средств обусловлена системой самого языка, различием материального опыта и духовной культуры народов, говорящих на разных языках. В результате этих различий в лексиконах всех языков можно выявить по отношению к сопоставляемому какую-то неэквивалентную часть.

Н.Г. Комлев указывает, что «лексическому понятию сопутствует некий культурный компонент» [43, с. 116]. Данный компонент складывается в процессе общения людей на протяжении всей истории слова и обозначаемого им денотата. Комплекс компонентов значения иноязычного слова, усвоенного на базе отечественных реалий, не соответствует комплексу, известному среднему носителю иностранного языка. Кроме того, значение слова содержит так называемый культурный компонент, под которым понимают экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру [3, с. 55].

Как свидетельствуют исследования И.А. Стернина, З.Д. Поповой, К. Флекенштейн и др., национальная специфика семантики лексических единиц может проявляться в разных формах. Она обнаруживается не только в случаях полной безэквивалентности слова, связанной с отсутствием предмета в материальной культуре народа, но и в случаях отсутствия или наличия определённых компонентов значения.

Различия зависят и от способа представления информации в наименовании, от того, на каких деталях или аспектах обозначаемого она сфокусирована. Исходя из этого большая часть лексики не может быть переведена «слово в слово» с одного языка на другой [Дубчинский, с. 56]. Анализ любого объекта или явления состоит в том, что «изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения) ... для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью другого логического приема – синтеза – в целое, обогащенное новыми знаниями» [44, с. 34–35]. Соответственно и дефиниции заимствования и его иностранного эквивалента могут содержать или не содержать определенные семантические компоненты, что воспринимается лингвистами как случаи полного совпадения, частичного или неполного несовпадения их семных структур.

У слов данной группы наблюдается семантический сдвиг в языке-реципиенте. Заимствованное слово деэтимологизируется и включается в новую семантическую систему.

Знакомство носителя определенного языка и культуры с особенностями мира материальных вещей чуждой ему культуры, в том числе, с особенностями повседневного быта, вызванными технологическими и культурными различиями, может приводить к тому, что хорошо известные из индивидуального опыта вещи, инструменты, приспособления, системы и т.д. предстают в видоизмененном, модифицированном и не всегда идентифицируемом виде, что, в свою очередь, может отражаться в модификации семной структуры заимствованной лексемы в принимающем языке. Рокировка сем может происходить как в момент заимствования, так и в процессе адаптации либо функционирования в новой языковой системе. В языке-реципиенте заимствования могут терять прежние ассоциативные связи, присущие им в языке-источнике, что может привести к потере мотивированности, которая имела у них в языке-источнике. В таком случае, будучи образовано в языке-источнике, заимствование претерпевает значительные изменения в языке-реципиенте. Все эти изменения отражаются в семной структуре заимствованной лексемы, что, в конечном счете, приводит сначала к частичному или полному дивергентному развитию их семных структур, а затем и к тематической трансформации. Например:

нем. <i>der Schwabber</i> (Seemannspr.) 'einem Mopp ähnliches Gerät zum Abwischen des Decks'	бел. <i>швабра</i> 'род мятлы з мачалы, вярвак і пад., уробленых у драўляную калодку (выкарыстоўваецца для мыцця падлогі)'
--	--

В данном случае немецкое заимствование потеряло в белорусском языке дифференциальную сему «палуба», которая ограничивала употребление данного предмета только морской сферой в немецком ареале, а приобрело дифференциальную сему «пол», которая расширила сферу употребления данного предмета, который употребляется в белорусской этнокультуре.

Даже при видоизменении одной из сем в семной структуре заимствованного слова происходит перераспределение семантических акцентов между остальными семами, составляющими его структуру. Наиболее типичным примером такого изменения является переход заимствованных прилагательных в разряд существительных (в нашем исследовании выявлено 5 таких случаев) или заимствованных существительных в разряд прилагательных (2 случая) в языке-реципиенте, что приводит к изменению соотношения между архисемой и дифференциальными семами.

В данной группе заимствований изменение в семной структуре происходит по следующим уровням иерархии: категориальная сема (грамматическая) – гиперсема (архисема) – гипосема (дифференциальная).

При переходе заимствованных прилагательных в разряд существительных в языке-реципиенте категориальная сема «признаковость» меняется на категориальную сему «предметность». Например:

нем. <i>blind</i> (1)	бел. <i>блінт</i>
'keine Sehkraft, kein Sehvermögen besitzend; ohne Augenlicht'	'плоскае цісненне на кніжных вокладках, якое робіцца без фарбы гарачым прэсам'

Сопоставление семных структур заимствования *блінт* и его прототипа *blind* (1) показало, что в принимающей лексико-семантической системе белорусского языка произошла замена архисемы «не видящий» на архисему «цісненне». Но архисема немецкого слова *blind* (1) сохранилась в семном наборе немецкого заимствования в роли дифференциальной семы «невидимый», выраженной в дефиниции лексическими маркерами *без цвета*. А это свидетельствует в свою очередь о частичной дивергенции семной структуры белорусского слова. При анализе данной пары слов можно сразу заметить, что семный набор немецкой лексемы уже, беднее белорусской. Это связано с тем, что семантический объем немецкого слова *blind* (1) шире белорусского *блінт*, так как данное заимствование обозначает признак многих денотатов в немецком языке, например: *blinder Mann, blinde Frau, blinder Schuß, blinder Passagier, in blinder Wut*. В то время как белорусская лексема *блінт* обогатилась дополнительными дифференциальными семами «плоскі», «гарачы», «прэсс», «кніга», «вокладка», что естественно сузило ее семантический объем, и она стала обозначать единственный предмет в языке-реципиенте. Произошедшие с заимствованием изменения позволили нам говорить о тематической трансформации, ибо заимствованная лексема *блінт* стала употребляться в белорусском языке только в сфере книгопечатания / типографии, тогда как в немецком языке лексема *blind* (1) употребляется для описания живого существа.

Графически частичную дивергенцию семных структур можно представить следующим образом:

нем. <i>blind</i>	бел. <i>блінт</i>
'keine Seekraft	- А' цісненне
А +	+ Да без фарбы
не видящий	- Д1' плоскі
→	- Д2' гарачы
	- Д3' прэсс
	- Д4' кніга
	- Д5' вокладка

Ср.:

нем. <i>doppelt</i>	бел. <i>дубальт</i>
'zwei in einem; zweimal der-, die-, dasselbe, zweifach'	'падвойная рама, падвойныя дзверы'

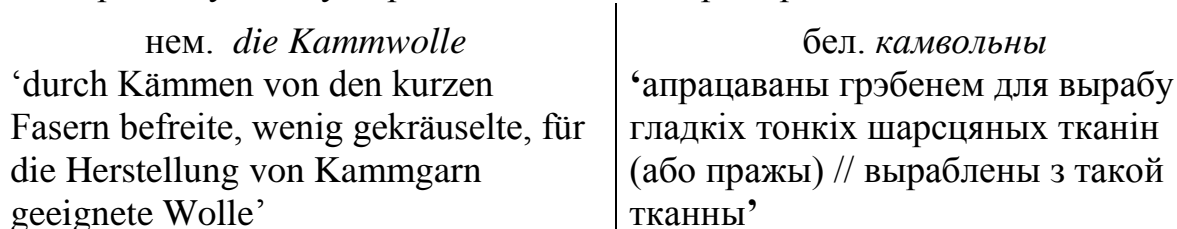
В принимающей ЛСС белорусского языка произошла замена архисемы в заимствовании *дубальт* (сема «количество» поменялась на сему «предмет»). Но архисема немецкого слова *doppelt* сохранилась в семном наборе немецкого заимствования в роли дифференциальной семы «количество», а это свидетельствует о частичной дивергенции семной структуры белорусского слова. В анализируемой паре слов можно заметить, что семный набор немецкой лексемы уже, беднее белорусской. Это связано с тем, что семантический объем

немецкого слова *doppelt* шире белорусского *дубальт* (под него подводится большое количество денотатов, чем под белорусское, которое ограничивается всего двумя). В случае слов *doppelt* и *дубальт* речь идет также о категориальном переносе: немецкое прилагательное в белорусском языке перешло в класс существительных, а это значит, что поменялась и категориальная сема «признаковость» на «предметность».

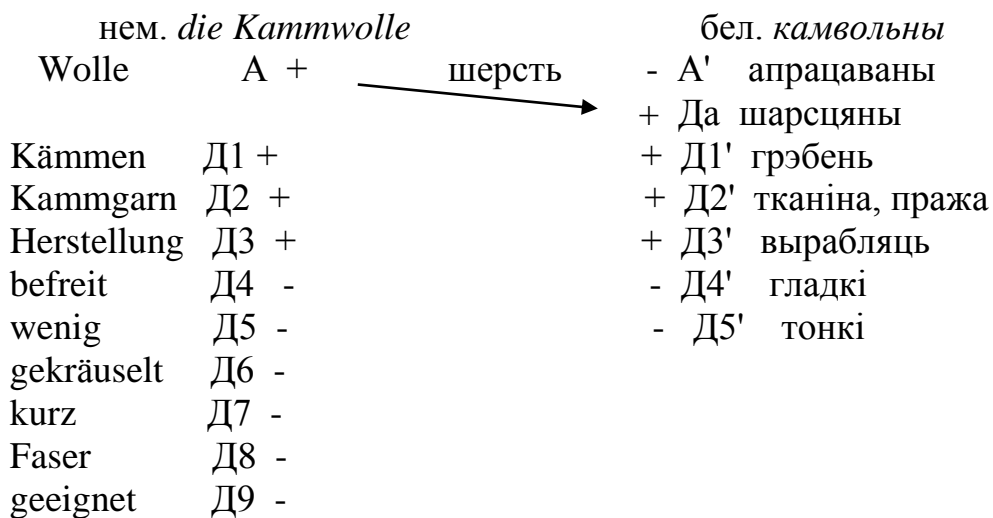
Графически частичную дивергенцию семных структур можно представить следующим образом:

При переходе заимствованных существительных в разряд прилагательных в языке-реципиенте категориальная сема «предметность» меняется на категориальную сему «признаковость». Например:

Графически сопоставление семных структур можно представить следующим образом:

Сопоставление семных структур заимствования *камвольны* и его прототипа *die Kammwolle* показало, что в принимающей лексико-семантической системе белорусского языка произошла замена архисемы «шерсть» на архисему «апрацаваны»/«выраблены». Но архисема немецкого слова *die Kammwolle* сохранилась в семном наборе немецкого заимствования в роли дифференциальной семы «шарсцяны». А это свидетельствует в свою очередь о частичной дивергенции семной структуры белорусского слова. При анализе данной пары слов можно сразу заметить, что семный набор немецкой лексемы шире, богаче белорусской. Это связано с тем, что семантический объем немецкого слова *die Kammwolle* уже белорусского *камвольны*, так как данное

заимствование обозначает один-единственный предмет в немецком языке (чесаная шерсть) и имеет много дифференциальных сем, отсутствующих у его белорусского эквивалента, например, «kurz», «Fasern», «befreit», «wenig», «gekräuselt», «Herrstellung», «Kammgarn». Отсутствие упомянутых дифференциальных сем у немецкого заимствования *камвольны* расширило его семантический объем в белорусском языке, о чем свидетельствуют его употребления с различными белорусскими существительными: *камвольныя тканіны, камвольны камбінат*.

Ср.: нем. *das Butterbrot* | бел. *бутэрброд*
 ‘Scheibe Brot, auf die man Butter gestrichen hat’ | ‘скіба хлеба з маслам, сырам, каўбасой і пад.’

Анализ данной пары слов также свидетельствует о частичной дивергенции семной структуры заимствования. Архисема в обеих структурах одинакова и обозначает «продукт питания», но белорусское слово обогатилось дополнительными семами, выраженными лексическими маркерами: *сыр, каўбаса*, которые отсутствуют у его немецкого эквивалента, поскольку в немецком языке для понятий «скіба хлеба з маслам і сырам», «скіба хлеба з маслам і каўбасой» существуют отдельные композиты *Käsebrot* ‘Brotscheibe, die mit Käse belegt oder bestrichen ist’ и *Wurstbrot* ‘Brotscheibe, die mit Wurst belegt ist’.

Графически это выглядит так:

нем. <i>das Butterbrot</i>		бел. <i>бутэрброд</i>
A + Scheibe	—————>	+ А' скіба
Д1 + Brot	—————>	+ Д1' хлеб
Д2 + Butter	—————>	+ Д2' смасла
		- Д3' сыр
		- Д4' каўбаса

В результате приобретения заимствованием некоторых дополнительных дифференциальных сем однозначные слова в новой лексико-семантической системе принимающего языка подвергаются сужению их смыслового объема. Ср.:

нем. *der Blitzkrieg* | бел. *бліцкрыг*
 (Mil.) ‘Krieg mit rascher Entscheidung’ | ‘маланкавая вайна германскіх
 мілітарыстаў, разлічаная на хуткую перамогу’

нем. <i>der Blitzkrieg</i>		бел. <i>бліцкрыг</i>
Krieg A +	—————>	+ А' вайна
rasch Д1 +	—————>	+ Д1' хуткі
Entscheidung Д2 -		- Д2' перамога
		- Д3' германскі

Из сопоставления значений анализируемых слов видно, что в немецком языке слово *der Blitzkrieg* относится к родовому понятию, это стратегия военной науки, применявшаяся, как известно, не только немцами (1 и 2 мировые войны), но и Наполеоном и др. В белорусском же языке это видовое понятие,

обозначающее не любую войну с быстрым окончанием, а начало Великой Отечественной войны. В заимствовании *бліцкрыг* сохранилась иностранная фоновая картина. Семантика слова мыслится многими лингвистами как «единство лексического понятия (выступающего в качестве средства номинации: благодаря минимальному числу семантических долей, составляющих объем понятия, люди узнают, классифицируют предметы и называют их) и лексического фона, который мыслится как совокупность всех относимых к слову-понятию сведений, имеющихся в массовом обыденном сознании носителей языка» [45, с. 83]. Сравнивая нем. *der Blitzkrieg* и бел. *бліцкрыг*, можно выявить различие присущих им культурных компонентов, являющихся выражением мировоззренческих взглядов, господствующих в данном обществе. Ассоциации, которые связываются с понятием, обозначаемым словом *бліцкрыг*, оказываются национально-культурными, свойственными лишь белорусской культуре и отсутствующими в немецкой, и этим объясняется своеобразие лексического фона в семантике германизма *бліцкрыг*.

Наряду с частичной дивергенцией наблюдаются случаи полной семантической дивергенции, когда семный набор заимствования и его пралексемы полностью различаются. Ср.:

нем. <i>das Vordeck</i>	бел. <i>фордэк</i>
‘vorderer Teil des Decks’	‘складаны пад’емны верх у экіпажы’

Анализируемые слова, во-первых, употребляются в совершенно разных тематических областях: немецкое *das Vordeck* – в мореходстве, а белорусское *фордэк* – в сфере транспорта. Во-вторых, в их структуре нет ни одной общей семы (нем. «часть палубы», «передний», бел. «верх экипажа», «складывающийся», «подымающийся»). Это дает основание квалифицировать немецкое заимствование в белорусском языке как «квазизаимствование», под которым мы понимаем слово, заимствованное из другого языка, совпадающее со своей пралексемой по звучанию, но отличающееся по значению (имеющее совершенно иное значение).

Представим графически полную дивергенцию семных структур:

нем. <i>das Vordeck</i>	бел. <i>фордэк</i>
Teil А -	- А' верх
Deck Д1 -	- Д1' экіпаж
vordere Д2 -	- Д2' складаны
	- Д3' пад’емны

Наличие разных сем при выражении одного понятия приводит к дивергенции на семном уровне, что в дальнейшем нередко выражается в обозначении заимствованным словом не идентичных предметов или понятий, а разных, но принадлежащих часто к одной тематической группе. В результате в ЛСС языка наблюдается тенденция к дифференциации родственных по смыслу слов в пределах данного ТП. Так, немецкому слову *die Frikadelle* ‘eine flache, runde, gebratene Masse aus Hackfleisch, Weißbrot, Zwiebeln und Ei’ соответствует в белорусском слово *катлета* ‘страва з мяснога або рыбага фаршу, запечанага ў форме прадаўгатага піражка’. В немецком языке слово *das Kotelett* имеет

значение 'Rippenstück vom Kalb, Schwein, Lamm, Hammel, das als beliebte Speise gebraten wird', которое в белорусском языке соответствует слову *адбіўная* 'мясная страва, прыгатаваная шляхам адбівання, размякчэння ударам'. А белорусское слово *фрыкадэлька* 'клецка, галачка з сечанага мяса ці рыбы, звараная ў булене' соответствует в немецком языке слову *das Fleischklößchen* 'kleiner Fleischkloß als Suppeneinlage', где *der Fleischkloß* 'Kloß aus Hackfleisch, Eiern und Gewürzen'.

Сопоставление семных структур немецких заимствований в белорусском языке с их немецкими эквивалентами позволяет выявить не только их сходства, но и существенные различия, которые являются релевантными, характеризующими тот или иной язык и которые необходимо учитывать при изучении иностранного языка, ибо субъект всегда стремится уподобить известному образцу своего языка некий знак чужого языка, т.е. сделать его симметричным «своему знаку», что не всегда удается, если вскрывать имеющиеся различия.

Для определения направления семантической адаптации немецких заимствований в белорусском языке наряду с контрастивным исследованием семных структур слов-коррелятов необходимо также провести синхронное сопоставление семантических структур коррелирующих слов, что является перспективой дальнейшего исследования в этой области.

Выводы

1. Подсистема немецких заимствований в белорусском языке пополнялась преимущественно за счет однозначных лексических единиц, количество которых почти в два раза превышает количество многозначных немецких заимствований (323 ЛЕ являются однозначными, а 173 ЛЕ многозначными).

2. Только при заимствовании немецких лексем, появившиеся в белорусском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой вещи или понятия, а также при заимствовании безэквивалентной или терминологической лексики семный набор иноязычной лексики полностью без изменений воспроизводится в ЛСС языка-реципиента, обеспечивая полную конвергентность коррелирующих семных структур данной лексики.

Тематическая маркированность терминологических заимствований и их коррелятов сохраняет неизменной сферу употребления анализируемых единиц, свидетельствует об их семантической устойчивости и способствует сохранению тождественного семного набора в обоих языках.

Наиболее распространенные количественные модели семантических признаков, лежащие в основе конвергентных лексических значений терминов-коррелятов, включают два или три компонента.

Модели сочетания семантических признаков в лексических значениях однозначных слов-коррелятов разнообразны и не демонстрируют строгих закономерностей. Одна и та же комбинация семантических признаков в отдельных подгруппах анализируемых лексем повторяется редко. Это является

следствием субъективности и избирательности отражения сознанием многообразия объектов окружающего мира.

3. Семантическое развитие заимствованных однозначных слов или ЛСВ может приводить к изменению их семного набора по сравнению с соответствующими иноязычными эквивалентами. Семный набор коррелирующих слов может полностью не совпадать, тогда мы имеем дело с полной дивергентностью или может совпадать частично, тогда в дело вступает частичная дивергентность.

При переходе из разряда прилагательных в разряд существительных происходит обогащение семной структуры заимствования дополнительными дифференциальными семами, что коренным образом сужает их семантический объем и область применения и ведет к возникновению тематических трансферов. При переходе же заимствования из разряда существительных в разряд прилагательных наблюдается наоборот утрата некоторых дифференциальных сем исходной единицы, что расширяет их семантический объем и область применения.

Дивергенция на семном уровне приводит нередко к обозначению заимствованным словом не идентичных предметов или понятий, а разных, но принадлежащих к одной тематической сфере, что часто просто затрудняет коммуникацию среди людей, говорящих на немецком или белорусском языке, когда один представитель говорит на родном, а другой на иностранном языке. Именно анализ семных структур слов-коррелятов и установление различий в них позволяют избежать неадекватности в понимании.

4. У историзмов и частично архаизмов обращает на себя внимание энциклопедический характер их значений.

5. Изменение семного состава значений немецких заимствований в современном белорусском языке могло происходить либо при вхождении в язык-реципиент, либо в процессе функционирования в новой лексико-семантической системы. Это отражается в смысловой дифференциации коррелирующих лексических единиц языка-источника и языка-реципиента, либо в их стилистической дифференциации.

Итак, сопоставительное исследование семантики слов-коррелятов в содержательном аспекте позволило определить закономерности тех или иных модификаций немецких заимствований в лексическом строе белорусского языка, что открывает новые возможности в сопоставительном изучении контактирующих языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1977. – 312 с.
2. Харитончик, З.А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: Избр. труды / З.А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.

3. Дубичинский, В.В. Лексические параллели / В.В. Дубичинский. – Харьков : Харьковское лексикографическое общество, 1993. – 155 с.
4. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев : Наукова думка, 1979. – 397 с.
5. Гринев, С.В. Введение в терминологическую лексикографию: учебное пособие / С.В. Гринев; МГУ им. М.В.Ломоносова, филолог. фак. – М. : Б.и., 1986. – 102 с.
6. Аристова, В.М. Англо-русские языковые контакты. (Англицизмы в русском языке) / В.М. Аристова. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1978. – 152 с.
7. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
8. Брагина, А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А.А. Брагина. – М. : Русский язык, 1981. – 176 с.
9. Шамякін, І.П. Трывожнае шчасце: Пенталогія / І.П. Шамякін. – Мінск : ТАА “Аракул”, 1995. – 608 с.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / пад агульн. рэдакцыяй акадэміка АН БССР К.К.Атраховіча. – Мінск : Савецкая энцыклапедыя, 1977–1984.
11. Станкевіч, А.А. Лексіка іншамоўнага паходжання ў беларускіх народных гаворках: дыс. ... д-ра філалаг. навук. 10.02.01 / А.А. Станкевіч. – Гомель, 1997. – 321 с.
12. Duden Deutsches Universalwörterbuch. / Red. Bearb. Matthias Wermke. – 3., völlig neu bearbeitete Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
13. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV-XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 255 с.
14. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30 – 90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. – Л., М. : Наука (Ленинградское отделение) , 1965. – 565 с.
15. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 311 с.
16. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования / И.В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1966. – 192 с.
17. Уфимцева, А.А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
18. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М. : Наука, АН СССР. Ин-т языкознания, 1971. – С. 78–96.
19. Беляевская, Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М. : Высшая школа, 1987. – 228 с.

20. Степанова, М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике (на материале современного немецкого языка) / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1966. – № 5. – С. 34–40.

21. Уфимцева, А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова / А.А. Уфимцева // Слова в грамматике и словаре: сб. статей. / редкол.: В.Н. Ярцева (отв. ред.). – М. : Наука, 1974. – С. 134–141.

22. Олейник, М.И. Семантика предметных имен (на материале совр. англ. яз.): дис. ... канд. филолог. наук. 10.02.04 / М.И. Олейник. – Минск, 2001. – 126 с.

23. Караулов, Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1980. – 207 с.

24. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М.В. Никитин. – С.-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

25. Зозуля, О.Л. Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке: дис. ... канд. филолог. наук. 10.02.04 / О.Л. Зозуля. – Минск, 2007. – 107 с.

26. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М. : Издательство «Международные отношения», 1977. – 264 с.

27. Schippan, T. Einführung in die Semasiologie / T. Schippan. – 2. überarb. Aufl. – Leipzig : Bibliogr. Inst., 1975. – 270 S.

28. Лещева, Л.М. Связь лексических значений в семантической структуре слова: На материале имен прилагательных современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.М. Лещева. – Минск, 1985. – 253 с.

29. Шкляр, Ю.Л. Семантическое согласование между компонентами атрибутивных словосочетаний типа «прилагат. + сущ.» в современном немецком языке (на материале прилагат. размера): дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Ю.Л. Шкляр. – Минск, 1987. – 208 с.

30. Арнольд, И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1979. – №5. – С. 10–14.

31. Куликов, Г.И. О семном механизме содержательных связей в процессе развития производных значений / Г.И. Куликов, Ю.Л. Шкляр // Грамматика и семантика в речевой деятельности: сб. науч. тр. / отв. ред. З.А.Харитончик, А.М.Шахнарович. – М.: Академия Наук СССР. Институт языкознания, 1990. – С. 89–95.

32. Кубрякова, Е.С. Предисловие / Е.С. Кубрякова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина; редкол.: Кубрякова Е.С. (отв. ред.) [и др.]. – М.-Калуга, 2007. – С. 7–18.

33. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

34. Маковский, М.М. Лингвистическая комбинаторика: опыт топологической стратификации языковых структур / М.М. Маковский. – М. : Наука, 1988. – 232 с.
35. Wierzbicka, A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Canberra : Ann Arbor, 1985. – 385 p.
36. Харитончик, З.А. Заимствованные слова в толковом словаре / З.А. Харитончик // Теория языка и словарь: материалы всесоюз. конф., Звенигород, 1-3 окт. 1987 г. – Кишинев, 1988. – С. 183–187.
37. Скачкова, В.В. Немецкие лексические заимствования в современном украинском литературном языке: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.02 (укр. яз.) / В.В. Скачкова. – Харьков, 1990. – 207 с.
38. Виноградов, В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Виноградов. – М. : МГУ, 1978. – 174 с.
39. Бурбак, Е.Ф. Лингвистическая интерпретация реалии (на материале британских общественно-политических реалий): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Е.Ф. Бурбак; Киев. гос. пед ин-т иностр. яз. – Киев, 1986. – 24 с.
40. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 340 с.
41. Гак, В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения : (на материале фр. яз. в сопоставлении с рус.) : автореферат дис. ... док. филолог. наук: 664 / В.Г. Гак; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва, 1968. – 55 с.
42. Копанев, П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода / П.И. Копанев. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 295 с.
43. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.
44. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
45. Томахин, Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова / Г.Д. Томахин // Филологические науки. – 1988. – №5. – С.82–86.